

ПИСЬМА Д. И. ШАХОВСКОГО к Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОМУ и Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОМУ

Публикация Г. Е. Потаповой и Т. В. Мисникевич

Имя князя Дмитрия Ивановича Шаховского (1861—1939), некогда известного деятеля русского либерализма, ближайшего друга В. И. Вернадского, крупнейшего знатока биографии и творчества П. Я. Чаадаева — в последние годы активно возвращается в исследовательский обиход не только историков русской политической и философской мысли, но и историков русской литературы.¹

Этот человек, так много сделавший для развития русской науки, по складу своему был совсем не похож на кабинетного ученого. История была для него не только и не столько предметом беспристрастного научного изучения, сколько сферой личного существования и личного самоопределения. Он родился в богатой историческими преданиями семье. Его дедом был декабрист Ф. П. Шаховской. Его бабушкой была двоюродная сестра Чаадаева Н. Д. Шаховская (урожд. Щербатова, внучка известного русского историка, публициста и общественного деятеля XVIII в. М. М. Щербатова). Уже в юношеские годы в Шаховском заговорило то чувство собственной исторической преемственности по отношению к делу декабристов, которое не оставит его до конца жизни. «Я (...) не мог не быть конституционалистом. Я внук декабриста и всегда помнил это, насколько себя помню. И в рассказах моего отца, гвардейского генерала, но в душе своеобразного демократа, с особого рода свободомыслием, о моем деде, которого он никогда не видел, так как родился через пять месяцев после отцова ареста, кончившегося ссылкой в Туруханск и сумасшествием в ссылке, а еще более в рассказах двух своих бабушек, молодевших в выражении своей ненависти к виновнику гибели дорогого им человека, я уже давно почерпнул непоколебимую веру в правоту либерального дела в России».²

В 1880 г. Шаховской окончил гимназию в Варшаве, а затем поступил в Московский университет, но уже через год перевелся на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Участие в Студенческом научно-литературном обществе под председательством О. Ф. Миллера, увлечение философией В. С. Соловьева, прилежные занятия славистикой под руководством профессора И. В. Ягича Шаховской совмещает в эти годы со своим рано проявившимся интересом к политической борьбе. Он неоднократно участвует в студенческих сходках и даже подвергается за это арестам. А несколько лет спустя именно по его инициативе члены дружеского студенческого кружка, в который входили В. И. Вернадский, Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, А. А. Корнилов, И. М. Гревс и некоторые другие будущие деятели русской

науки и общественности, приносят на могиле первой жены С. Ф. Ольденбурга — А. П. Ольденбург — клятву вечно бороться с самодержавием.

Однако политическими интересами далеко не исчерпывается жизнь молодого Шаховского и всего этого студенческого кружка, которому в 1886 г., после того как его участники окончили университет, было дано красноречивое имя — Братство (оно же — Приютино, по названию так и не приобретенного общего имени, где «братья» могли бы собираться и совместно трудиться). Духовный опыт этого уникального союза — едва ли не единственной в своем роде попытки нецерковной русской интеллигенции организовать собственную жизнь в согласии с соловьевским принципом «сборности» — Шаховской и его друзья пронесут через всю оставшуюся жизнь.³ Что же касается сферы практической деятельности, то Шаховской, как и другие члены Братства, помогает в эти годы голодающим, принимает участие в деятельности издательства «Посредник» и вообще увлекается народной школой и литературой для народа.⁴ Подобно многим своим современникам, он отдал дань и толстовским идеям, хотя «правoverным толстовцем» никогда не был.⁵

Годы учения приближались к концу. Профессора настоятельно советовали Шаховскому остаться при университете.⁶ «Но чисто научная деятельность меня к себе не манила. Я собирался стать учителем гимназии в русской провинции, ища рядовой работы и сближения с русской повседневностью (...).»⁷ Эти планы приобрели более реальные очертания, когда Шаховской познакомился на квартире у своего хорошего знакомого К. Д. Кавелина с Ф. И. Родичевым, предводителем дворянства Весьегонского уезда Тверской губернии, где Шаховским принадлежали обширные земельные владения. Родичев предложил молодому энтузиасту место в земской управе города Весьегонска, на что тот и согласился с большим воодушевлением.

Земская служба Шаховского началась в 1885 г. с должности заведующего хозяйственной частью уездных училищ. Не ограничиваясь исполнением своих прямых обязанностей, он сразу же принял живое участие в деятельности училищного совета и вскоре приобрел большой авторитет как в земской среде, так и во всем уезде. За три с половиной года, проведенные в Весьегонске, молодому земцу пришлось пережить массу столкновений с различными контролирующими инстанциями — от уездных инспекторов до самого Победоносцева, с которым у Шаховского, по его воспоминаниям, произошел какой-то «журьезный разговор».⁸ Более того, против Шаховского даже было возбуждено следствие за распространение запрещенных сочинений Толстого и пропаганду его идей среди учителей начальных народных училищ.⁹

В 1888 г. Шаховской был принужден выйти из училищного совета. Но уже в 1889 г. его избирают земским гласным — сначала в Весьегонском, затем в Ярославском и Угличском уездных ведомствах, а потом и в Ярославском губернском собрании. Он по-прежнему много занимается проблемами школьного дела, участвует в работе Московского комитета грамотности и пишет ряд статей и брошюр о народном образовании.¹⁰

С середины 1890-х гг. для Шаховского начинается период активной политической деятельности. Он участвует в вольной русской печати и, по поручению группы единомышленников, в 1897 г. дважды совершает заграничные поездки, чтобы наладить издание целой серии антиправительственных брошюр, печатавшихся в Женеве.¹¹ Он становится одним из основателей журнала «Освобождение» (Штутгарт, Париж, 1902—1905) и членом совета «Союза освобождения» (1904—1905), а с октября 1905 г. — деятельнейшим членом Конституционно-демократической партии.

В 1906 г. Шаховской был избран депутатом I Государственной Думы. В 1907 г. за подписание Выборгского воззвания его приговорили к трехмесячному заключению, которое он отбывал в 1908 г. в Ярославской тюрьме. Именно в эти месяцы Шаховской

написал статью о своем знаменитом прашуре М. М. Щербатове, дав ей красноречивое название «Русский депутат XVIII века».¹²

В 1913 г. Шаховской открывает для себя новое поприще — служение развивающемуся движению кооператоров. Он участвует в Киевском кооперативном съезде (август 1913 г.), печатает ряд статей о кооперации в газете «Речь» (1914—1916), в журналах «Земское дело» (1911—1917) и «Вестник сельского хозяйства» (1914). С 1914 г. он редактирует газету «Кооперация», в 1916 г. преобразованную в журнал под тем же названием, просуществовавший до 1918 г. Этому новому для него делу Шаховской (казалось бы, уже умудренный опытом общественный деятель, которому к тому времени было уже за пятьдесят) отдается с юношеским энтузиазмом, напоминающим юношеские мечтания членов Прикутинского братства: «В служении русской кооперации я вижу теперь важнейшую свою задачу. Здесь все, что делаешь, — свое, кровное, бесхитростное, родное (...) Ничего своего не надо подавлять для успеха, а лишь с наибольшей полнотой раскрывать свою сущность и тем самым достигать наибольшего общения с другими и наибольшего успеха в деле. Потому что русский демократ-интеллигент по сущности своей прежде всего член великого сложного кооператива, имя коему — человечество».¹³

После Февральской революции Шаховской на протяжении нескольких месяцев (май—июль 1917 г.) был министром государственного призрения Временного правительства. В августе 1917 г. он вошел в комитет созданного в Москве Совета общественных деятелей, а в марте 1918 г. стал одним из учредителей «Союза возрождения России». Однако дальнейший ход событий заставил Шаховского смириться с советской властью и отойти от всяких помышлений о политической деятельности. Несколько лет он служил в Госплане, а в середине 1920-х гг. вышел на пенсию и смог наконец полностью предаться историческим и историко-литературным занятиям. Для него, человека неумяемого общественного темперамента, полный отход от политики был одновременно и вынужденным и желанным. «Настало время для интеллигенции опять задумать свое дело: осмысливать жизнь», — записал он 24 декабря 1924 г.¹⁴

Служению науке он отдается с той же страстью, с какой некогда бросился в пучину общественной борьбы. Грандиозные масштабы, в которых всегда рисовалось Шаховскому любое дело, за какое бы он ни брался — будь то земство, народное образование, деятельность депутата Думы или развитие кооперации, — не утрачиваются и после революции. Особую важность придает он в 1920-е гг. изучению декабризма. «Декабристами жива Россия, и ими в глубине души жив каждый из нас. Нам надо вполне осознать это и по возможности передать это сознание другим. Без этого мы не можем достаточно послужить великой задаче, которая поставлена декабристами и пока не выполнена нами: осуществить русскую правду».¹⁵

Шаховской активно участвует в работе Секции по изучению декабристов и их времени при Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, председателем которой была В. Н. Фигнер,¹⁶ а в 1928 г. даже возглавляет Комиссию по декабризму при Обществе изучения Московской губернии.¹⁷

Но совершенно особое место в области научных интересов Шаховского принадлежит П. Я. Чаадаеву. Он ведет активнейшую розыскательскую деятельность, впервые обследуя касающиеся Чаадаева материалы в ставших доступными после революции государственных архивах. В процессе этих поисков Шаховской обнаружил в общей сложности около 150 писем и произведений Чаадаева. В архиве исследователя, хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ, копии различных чаадаевских материалов составляют 200 единиц.¹⁸

Шаховской написал целый ряд статей о Чаадаеве¹⁹ (некоторые из них были опубликованы лишь в последние годы, некоторые остаются неопубликованными до сих пор²⁰). В сотрудничестве с О. Г. Щереметевой он начал изучение маргиналий на кни-

гах чаадаевской библиотеки. Но крупнейшей его находкой были пять ранее неизвестных «Философических писем» Чаадаева. Сенсационная публикация Шаховского, увидевшая свет в 1935 г.,²¹ во многом изменила устоявшиеся представления о Чаадаеве, дала материал для новых исследований, которым, увы, не скоро суждено было вернуться по-настоящему.

В начале 1930-х гг. Шаховской приступил к подготовке Собрания сочинений Чаадаева для издательства «Academia». Однако работа над ним затянулась, а цензурный гнет тем временем все усиливался. В 1937 г. «Academia» была упразднена. Шаховской немедленно приступил к подготовке однотомника Чаадаева для «Соцэзгиза». Уже в сентябре-октябре 1937 г. он работал над корректурой этого издания, а 9 июня 1938 г. сообщал И. М. Гревсу о том, что издательство отклонило выпуск книги — якобы за неимением бумаги (это было тем досаднее, что верстка к этому моменту уже успела пройти цензуру).²²

В ночь с 26 на 27 июля 1938 г. Шаховской был арестован. Все попытки родных и друзей узнать что-либо определенное о его положении и о предъявленных ему обвинениях оставались безрезультатными. Из органов НКВД поступали лишь расплывчатые сообщения о том, что Шаховской болен и находится в одном из дальних лагерей где-то на Севере России. В мае 1939 г. встревоженный В. И. Вернадский обратился к Берии с письмом, в котором умолял сообщить точнее о здоровье своего друга, ходатайствовал о смягчении его участи, напоминал о его деде-декабристе, умершем в ссылке от психической болезни.²³ Но, как выяснилось много лет спустя, исторические аналогии в данном случае были не вполне уместными: Шаховскому не пришлось повторить участь своего деда. Он не был сослан в отдаленные лагеря — он был расстрелян в Москве 15 апреля 1939 г., на семьдесят восьмом году жизни.²⁴

Публикуемые ниже письма,²⁵ не относясь к наиболее ярким образцам эпистолярной прозы Шаховского, тем не менее выразительно характеризуют и эпоху, и автора, и адресата. С Модзалевскими (особенно с Борисом Львовичем) Шаховского связывали самые добрые, истинно коллегиальные отношения, но не столь близкие, как с В. И. Вернадским или И. М. Гревсом. И это вполне естественно, так как общение его с Б. Л. Модзалевским началось, по-видимому, лишь в середине 1920-х годов, когда Шаховской приехал в Пушкинский Дом для обследования чаадаевских материалов. Очевидно, возникновению прочных контактов между двумя учеными способствовал их общий интерес к делу изучения декабризма. Именно с обсуждения проблем, касающихся второго, дополненного издания «Алфавита декабристов», и начинается их переписка.

К тому же Шаховской, без сомнения, был интересен Модзалевскому не только своими научными разысканиями, но и своими генеалогическими связями. В картотеке Модзалевского хранится несколько десятков карточек, посвященных генеалогии Шаховских, Чаадаевых и Щербатовых. Особый интерес Модзалевского привлекал декабрист Федор Петрович Шаховской, которому он еще в 1922 г. посвятил специальную статью.²⁶ В сентябре 1926 г. Модзалевский просит Шаховского сообщить ему сведения о потомстве Федора Петровича. В ответном письме, датированном 17 сентября, Шаховской выражает готовность предоставить в полное распоряжение Модзалевского интересующие его материалы и, более того, набрасывает поражающие своим размахом «очередные задачи изучения декабризма». Он предлагает Модзалевскому, «не дожидаясь переиздания „Алфавита“ или издания „Словаря“, предпринять самостоятельную работу о потомстве декабристов. Только таким путем можно подойти к изучению следов живой традиции декабристов, которая гораздо богаче, чем мы себе это обычно представляем» (письмо 3). К сожалению, написать такую работу Модзалевский не успел.

Кроме своих размышлений о насущных задачах изучения декабризма, Шаховской делится с Модзалевским планами, касающимися собрания и изучения чаадаевских материалов. По-видимому, у Модзалевского эти планы находят полное сочувствие и поддержку. Он обсуждает с Шаховским возможность приобрести для Пушкинского Дома оригиналы писем Чаадаева его брату М. Я. Чаадаеву. К Модзалевскому обращается Шаховской с просьбой узнать в Академии о возможности командировки в Борисоглебск для розыска недостающей части архива М. И. Жихарева, двоюродного племянника философа, много сделавшего для публикации и сохранения его наследия.

Но главное, как свидетельствуют материалы Рукописного отдела ИРЛИ, Модзалевский был причастен к крупнейшему научному открытию Шаховского — к находке ранее неизвестных «Философических писем». В докладе, прочитанном в Пушкинском Доме 18 октября 1928 г., Шаховской вспоминал о счастливом моменте своей сенсационной находки: «Как сейчас помню свое чувство, когда Борис Львович Модзалевский в один из дней моих занятий чаадаевскими бумагами здесь в Пушкинском Доме в присутствии Ник. Вас. Измайлова передал мне толстый пакет, в котором я между прочим усмотрел обертку со старинной надписью: Восемь философических писем Чаадаева (так! — Г. П. и Т. М.)». ²⁷

Вовлекая Модзалевского в дело собрания чаадаевских материалов, Шаховской, естественно, не смог остаться в стороне и от той главной области, с которой были связаны научные интересы его адресата. Речь идет, конечно, об изучении Пушкина. В письмах Шаховского много говорится о пушкиноведческих работах Модзалевского. Особенно характерны для эпохи сетования Шаховского на задержку с печатанием первого тома «Писем»: «Ну, как мириться с останковкой в печатании такой *готовой* вещи! (...) Издатель торгуется, медлит — с Пушкиным! Но что тут скажешь и что тут поделаешь? Мы стоим перед фактом, — но должны ли мы перед этим фактом так уж беспрекословно преклониться и ему подчиниться? Я никак не могу этому поверить. Все-таки с Пушкиным в руках — можно, мне кажется, и поспорить. Во всяком случае надо, казалось бы, сделать попытку, поднять всех святых или по крайней мере закричать караул!» (письмо 3). ²⁸ 18 сентября 1926 г. он предлагает Модзалевскому подать в Академию записку «о неотложных очередных задачах науки о Пушкине», рассчитывая на то, что такая записка разбудит движение, «которое — хотя бы и кружным путем — докатится и до Академии и вернет ее на тот путь, на котором она должна бы стоять и с которого не имеет ни нравственного, ни даже формального права сходить» (письмо 3).

Интересно, что с середины 1920-х годов Шаховской и сам все чаще обращается к пушкиноведческим разысканиям. Тема эта была для ученого вторичной, она выделилась из его штудий, посвященных декабристам и Чаадаеву, но в конце 1920—1930-х гг. ей принадлежит важное место в кругу его интересов. По-видимому, не последнюю роль сыграло здесь общение Шаховского с Модзалевским.

В Рукописном отделе ИРЛИ массив разного рода записей Шаховского, связанных с Пушкиным, составляет более двадцати архивных единиц. Среди папок с выписками и черновыми заметками, находящимися и рукописи статей, посвященных теме «Пушкин и Чаадаев» (в том числе обширная статья «Пушкина „единственный друг“» (1937?), в которой собраны и проанализированы все известные к тому моменту сведения о контактах Пушкина с Чаадаевым и предпринята попытка по-новому интерпретировать послание «Любви, надежды, тихой славы...» ²⁹). Преимущественное внимание, как и следовало ожидать от исследователя Чаадаева и русского революционного движения первой половины XIX в., Шаховской уделял политической и идеологической стороне пушкинской биографии. Но внимание исследователя устремлено и на аспекты, далекие от политической злободневности. Его привлекают и вопросы «литературной отделки», и проблемы стихосложения, и расшифровка черновых автографов поэта. Он задумы-

вает целую книгу под названием «Пушкин и Москва», составляет ее план и делает ряд заметок.³⁰ Он пристально следит за новыми пушкиноведческими публикациями, общается с Н. В. Измайловым, деятельно беспокоится о судьбе подготовленных Б. Л. Модзалевским первого и второго томов пушкинских писем, предлагает Л. Б. Модзалевскому помощь в комментировании III тома «Писем» и пишет для этого изданию обширную справку об отношениях Пушкина с Чаадаевым.

Но Пушкин для Шаховского — это не только и не столько предмет академических штудий. Он для него — символ культурной общности, залог неискоренимости духовных сил нации, «лучший оплот против натисков на русский ум» (письмо З). И Шаховской совсем не считает, что вокруг этого оплота должны сплотиться те немногие, кто сохранил верность гибнущей культурной традиции, кто будет именем Пушкина «аукаться в надвигающемся мраке». Он радуется «победе Пушкина на всем столь обширном и столь неблагоприятном фронте нашего просвещения» (там же), и возможные последствия такой победы мыслятся ему просто грандиозными, ибо Пушкина он считает высшим выразителем национального русского мироощущения, которое, как верит он вслед за славянофилами и Достоевским, способно преобразить весь мир. Приведем в заключение этой вступительной заметки слова Шаховского из его писем к В. И. Вернадскому в марте 1937 г.:

«Тезис третий. Пора нам понять Пушкина. (...) Через Пушкина, воспринятого наконец русскими, русская культура займет подобающее ей место в мире, а без победы культурной завоевания революции не могут быть прочными. В ноосфере все решает культура. (...)»

Тезис пятый. Россия, как синтез запада и востока, настоящий арбитр мира. Это понял Чаадаев. Но пока не поняли мы. Если мы это поймем, то Пушкин и наука победят и Гитлера, и войну, и капитализм и водворят ноосферу не только в книгах и в умах нескольких ученых, а в ведущих силах нашей планеты.

Меня вчера спросила В. Фигнер, сколько на это надо лет. Я сказал: пять».³¹

Неиссякаемый оптимизм Шаховского по достоинству оценит читатель его писем к Модзалевскому. Несмотря на то и дело прорывающееся возмущение растущим цензурным гнетом и пренебрежением государства (как и самой Академии) по отношению к насущным задачам развития русской культуры, на каждой из этих страниц, испи-санных быстрым и ясным почерком, ощутима непоколебимая уверенность ученого в осуществимости самых высоких общественных идеалов — и даже в том, что сама прежде отвергавшаяся им большевистская революция есть «в конце концов, если и не очень аккуратный, то все же довольно-таки крупный шаг к „царствию божью“» (письмо З). Несомненно, читатель не только почерпнет из публикуемых ниже писем новые штрихи к характеристике Модзалевского, но и почувствует на этих страницах отпечаток поистине необыкновенной личности их автора, Д. И. Шаховского, и прежде всего тот подвижнический дух, ту «верующую смелость в осуществлении добра», которую И. М. Гревс однажды назвал самой характерной чертой своего друга.³²

¹ См.: *Шаховский Д. И. Грибоедов и Чаадаев / Предисл., публ. и коммент. М. Филина // Литература в школе. 1988. № 4. С. 19—21; Шаховской Д. И. Письма о Братстве / Публ. Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского и М. Ю. Сорокина // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 174—318; Златопольская А. А. Д. И. Шаховской — исследователь философско-исторических взглядов П. Я. Чаадаева (по архивным материалам) // Русская философия: Новые решения старых проблем. (2-й Санкт-Петербургский симпозиум историков русской философии. 6—8 декабря 1993 г. Тезисы докладов и выступлений). СПб., 1993. Ч. 2. С. 77—79; Д. И. Шаховской о Чаадаеве / Предисл. и публ. Я. В. Леонтьева // Очерки по истории русской культуры. Саратов, 1994. С. 87—92 (публ. тезисов доклада*

«Чаадаев. Глава из истории декабризма» и письма Шаховского к В. Н. Фигнер от 3 ноября 1930 г.); *Каганович Б. С.* Люди и судьбы: Д. И. Шаховской, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, И. М. Гревс по их переписке 1920—1930-х годов // Звезда. 1992. № 5/6. С. 160—170; *Шаховской Д. И.* Письма И. М. Гревсу 1921—1932 гг. Заметки // П. Я. Чаадаев: Pro et contra. Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост., вступ. статья и прим. А. А. Ермичева и А. А. Златопольской. СПб., 1998. С. 517—553.

² *Шаховской Д. И.* Автобиография. М., 1917. С. 13.

³ См.: *Корнилов А. А.* Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1916. № 8. С. 49—86; *Гревс И. М.* В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 42—88; 1921. № 16. С. 137—166 (первая часть статьи вышла также отдельным оттиском — Пг., 1918); *Ольденбург Е. Г.* Студенческое научно-литературное общество при Петербургском университете // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1947. № 2. С. 145—155; *Вернадский Г. В.* Братство «Приютино» // Новый журнал. 1968. Кн. 93. С. 147—171; 1969. Кн. 95. С. 202—215; Кн. 96. С. 153—171; Кн. 97. С. 218—237; *Аксенов Г. П.* Сила братства // Природа. 1988. № 2. С. 82—93; *Борисов В. М., Перченко Ф. Ф., Рогинский А. Б.* О социально-психологических источниках учения В. И. Вернадского о ноосфере // Механизмы культуры. М., 1990. С. 231—247; *Каганович Б. С.* О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютинского братства» // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 90—103.

⁴ *Шаховский Д. И.* К вопросу о книгах для народа. СПб., 1885 (оттиск из журнала «Русский начальный учитель». 1885. № 3).

⁵ *Шаховской Д. И.* Автобиография. С. 18.

⁶ См.: *Гревс И. М.* В годы юности // Былое. 1921. № 16. С. 143.

⁷ *Шаховской Д. И.* Автобиография. С. 18—19.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Российский государственный исторический архив, ф. 1282, оп. 3, № 345, л. 43; ф. 857, № 1214; см. также: *Шаховской Д. И.* Толстой и русское освободительное движение. (Несколько воспоминаний) // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 313—320.

¹⁰ См.: Записка гласного Ярославского уездного собрания князя Д. И. Шаховского о школьном деле в Ярославском уезде. Ярославль, 1895; Начальное образование в Ярославском уезде. Ярославль, 1898. Т. 1—2 (со статистическими таблицами Д. И. Шаховского). В эти же годы Шаховской печатает ряд статей о народном образовании в журналах «Вестник воспитания» и «Новое слово», в газете «Северный край», а также в ряде других ярославских газет. В 1902 г. под его редакцией вышел сборник «Всёобщее образование в России» (М., 1902. Вып. 1).

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 334, № 1, л. 3 (анкета Д. И. Шаховского от 31 октября 1930 г.). Шаховской был автором следующих заграничных брошюр: Адресы земств 1894—1895 и их политическая программа. Женева, 1896 (Голоса из России, вып. 1; под псевд.: С. Мирный); Царские милости. Женева, 1896 (Голоса из России, вып. 3; 2-е изд. — Geneve, 1900); Ходынка. Женева, 1896 (2-е изд. — 1900); После коронации. (Après le Couronnement). Женева, 1896 (2-е изд. — Geneve, 1900).

¹² *Шаховской Д. И.* Русский депутат XVIII века. (Новые материалы для биографии князя М. М. Щербатова) // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 256—287. См. также: *Шаховской Д. И.* О каталоге библиотеки князя М. М. Щербатова // Известия Академии Наук. Сер. 6. 1910. № 9. С. 674—676.

¹³ *Шаховской Д. И.* Автобиография. С. 27—28.

¹⁴ *Борисов В. М., Перченко Ф. Ф., Рогинский А. Б.* О социально-психологических источниках учения В. И. Вернадского о ноосфере // Механизмы культуры. М., 1990. С. 238.

¹⁵ Там же. С. 224.

¹⁶ См. прим. 2 к п. 2.

¹⁷ См.: Д. И. Шаховской о Чаадаеве / Предисл. и публ. Я. В. Леонтьева // Очерки по истории русской культуры. Саратов, 1994. С. 88.

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 334, № 256—455.

¹⁹ Письмо М. П. Бестужева-Рюмина к П. Я. Чаадаеву // Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1. С. 210—211; Якушкин и Чаадаев. (По новым материалам) // Декабристы и их время. М., 1932. [Т. 2]. С. 161—200; *Чаадаев П. Я.* Неопубликованная статья / С предисл. и коммент. Д. И. Шаховского // Звенья. М.; Л., 1934. Вып. 3—4. С. 364—396; *Чаадаев П. Я.* Три письма / С введением и коммент. Д. И. Шаховского // Звенья. М.; Л., 1935. Вып. 5. С. 208—232; П. Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 г. // Литературное наследство. М., 1935. Т. 19—21. С. 16—32; Неизданный проект прокламации

П. Я. Чаадаева 1848 г. // Там же. С. 679—682; Чаадаев П. Я. // Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат». 7-е изд. М., [б. г.]. Стб. 513—524. См. также заметки, посвященные столетию выхода в свет журнала «Телескоп» с первым «Философическим письмом» и столетию со дня смерти Пушкина: Первое философическое письмо Чаадаева // Литературная газета. 1936. № 58. С. 6; Друг Пушкина // Правда. 1936. 15 окт., № 285. С. 4 (под псевд.: А. Васильев); Сто лет «Философического письма» // Известия. 1936. 15 окт., № 240. С. 4; Два выстрела // 30 дней. 1937. № 2. С. 72—74. Новые публикации исследований Шаховского о Чаадаеве см. выше в прим. 1.

²⁰ Например, статьи из архива РО ИРЛИ «В чем значение Чаадаева» (б/д; ф. 334, № 142), «Чаадаев и Ламенне» (6 дек. 1930; ф. 334, № 241).

²¹ Литературное наследство. М., 1935. Т. 22—24. С. 18—78.

²² См.: Каганович Б. С. Люди и судьбы. С. 166—167.

²³ Там же. С. 168.

²⁴ Эта дата, впервые приведенная в «Большой советской энциклопедии» (М., 1978. Т. 29. С. 305), была документально подтверждена лишь несколько лет назад в результате архивных разысканий Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского и М. Ю. Сорокина (в примечаниях к публикации: Шаховской Д. И. Письмо о Братстве // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2).

²⁵ Хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, в архиве Б. Л. Модзалевского. Ответных писем Модзалевских в архиве Шаховского (РО ИРЛИ, ф. 334) не сохранилось. Поскольку частные письма вообще представлены в архиве Шаховского в крайне незначительной степени, представляется правомерным предположение Б. С. Кагановича, что в фонд ИРЛИ попала только та часть личного архива ученого, которая была специально выделена в органах НКВД как представляющая чисто научный интерес и не содержащая ничего «подозрительного» и относящегося лично до Шаховского (Каганович Б. С. Люди и судьбы. С. 169). Этот фонд первоначально поступил в Институт мировой литературы, а в 1951 г. был передан в ИРЛИ (см.: Добровольский Л. М., Малова М. И. Обзор историко-литературных материалов XVIII—XX веков, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в 1951 году // Бюллетени Рукописного отдела ИРЛИ. М.; Л., 1955. Вып. 5. С. 133).

²⁶ См.: Модзалевский Б. Л. Декабрист Шаховской. (Его записная книжка) // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 396—408.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 334, № 208.

²⁸ Тема публикации «Писем» А. С. Пушкина неоднократно возникает в переписке Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном. См. наст. изд.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 334, № 101.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 334, № 99, 100.

³¹ Шаховской Д. И. Письма о Братстве. С. 278—279.

³² См.: Гревс И. М. В годы юности. С. 143.

Д. И. ШАХОВСКОЙ — Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОМУ

Письмо 1

10 марта 1926 г. Москва

Москва, Zubovskiy b(ulvar) 15, kv. 23. Среда, 10.III.1926.

Многоуважаемый Борис Львович. На днях верну Вам наконец милую книжку, которую взял у Вас на две недели год тому назад. Мне представляется, что я ее не продержал и недели. Только недавно наконец получил доступ к бумагам, оставшимся от Федора Петровича Шаховского,¹ но могу пользоваться ими лишь в Архиве Революции, а домой к себе их так и не заполучил. Все-таки теперь могу двинуть так долго совсем застрявшую свою работу о Шаховском.² Завтра, в четверг 11(-го), собираюсь ехать в Ленинград и очень бы хотел Вас повидать не только, чтобы передать Вам так долго для

Вас загостившуюся у меня книжку, а также и чтобы побеседовать с Вами о декабристах, а еще более — о Чаадаеве и о письмах Нат. Дм. Шаховской³ Заблоцкому,⁴ о к(ото)рых в мое последнее посещение Ленинграда у Вас на квартире говорил Сиверс.⁵ Если Вас не стеснит, пошлите открытку Гревсу,⁶ когда могу Вас застать. Его адрес: 9 линия, 48, кв. 15, Гревс Ив. Михайлович.

Ваш Д. Шаховской.

На обороте: Борису Львовичу
Модзалевскому,
Васильевский остров,
Угол 7 линии и Набережной Невы,
д(ом) Академии Наук,
Ленинград
(от Д. И. Шаховского).

¹ *Шаховской Федор Петрович* (1796—1829) — дед Д. И. Шаховского, декабрист, член Союза спасения, руководитель одной из московских управ Союза благоденствия. Выйдя в 1822 г. в отставку в чине майора и удалившись от политической деятельности, жил в имении жены — селе Ореховец Ардаатовского уезда Нижегородской губернии. В феврале 1826 г. был арестован по делу 14 декабря, в июле приговорен к лишению дворянства и высылке на вечное поселение в Сибирь (затем, по указу 22 августа 1826 г., пожизненная ссылка была заменена двадцатилетней). Однако поселение длилось недолго: сосланный в сентябре 1826 г. в Туруханск, а затем переведенный в Енисейск, Ф. П. Шаховской в 1828 г. заболел тяжелым психическим заболеванием. В 1829 г. его перевели в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, где он через несколько месяцев скончался, объявив голодовку. Ф. П. Шаховской был другом Чаадаева, который перед отъездом за границу в 1823 г. продал ему свою библиотеку. Перевезя книги в село Ореховец, Ф. П. Шаховской составил им обстоятельный каталог, сохранявшийся в семейных бумагах и после того, как библиотека рассеялась и окончательно исчезла в конце XIX века. После революции Д. И. Шаховской передал этот каталог в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Интерес к личности Ф. П. Шаховского проявил Б. Л. Модзалевский, посвятивший ему специальную статью (см.: *Модзалевский Б. Л. Декабрист Шаховской*. (Его записная книжка) // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 396—408). О Ф. П. Шаховском см. также: *Декабристы: Биографический справочник*. М., 1988. С. 197—198; *Жихарев М. И. П. Я. Чаадаев* // *Вестник Европы*. 1871. Т. 4. С. 190; *Щеголев П. Е. Декабрист князь Ф. П. Шаховской* // *Былое*. 1907. Т. 8. С. 274—289 (также: *Щеголев П. Е. Исторические этюды*. СПб., 1913. С. 365—393); *Пругавин А. С. Декабрист князь Ф. П. Шаховской в Спасо-Евфимиевском монастыре*. (По неизданным данным) // *Русское богатство*. 1911. Т. 1. Отд. 1. С. 55—83; *Восстание декабристов: Материалы*. М.; Л., 1927. Т. 3. С. 85—109 (следственное дело Ф. П. Шаховского; публ. А. А. Покровского); *Письма Ф. П. Шаховского к М. Я. Чаадаеву* // *Декабристы*. М., 1938. С. 365—366 (*Летописи Государственного Литературного музея*; Кн. 3); *Богданова М. Декабрист Ф. П. Шаховской в Туруханском крае* // *Енисей*. 1973. № 6. С. 65—68; *Яновский Р. Г., Суворова С. И. Декабрист Ф. П. Шаховской* // *Известия Сибирского отделения Академии Наук СССР*. 1975. № 11. Серия общественных наук. Вып. 3. С. 109—115; *Записка декабриста Ф. П. Шаховского о путях улучшения положения крестьян* / Публ., предисл. и коммент. А. В. Семеновой // *Советский архив*. 1989. № 6. С. 59—63.

² Выписки, сделанные Д. И. Шаховским в Архиве Октябрьской революции в Москве (Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР); ныне Государственный архив Российской Федерации), куда после революции перешли фонды Государственного архива и Архива бывшего III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, хранятся ныне в его личном фонде (РО ИРЛИ, ф. 334, № 598; из этих выписок явствует, что Д. И. Шаховской смотрел письма Ф. П. Шаховского к Н. Д. Шаховской и другим лицам, письма к нему, описи его имени и еще ряд документов — в общей сложности 25 единиц). Кроме того, среди бумаг

Д. И. Шаховского (ф. 334, № 59, 60) хранятся копии двух дел о Ф. П. Шаховском из Военно-исторического архива. Сохранились также рукописи двух заметок Д. И. Шаховского: «Шаховский Федор Петрович» (1927), «Князь Федор Петрович Шаховской и Иван Дмитриевич Щербатов» (6 г.) (ф. 334, № 481, 525).

³ *Шаховская (урожд. Щербатова) Наталья Дмитриевна* (1795—1884) — жена Ф. П. Шаховского (с 12 ноября 1819 г.), двоюродная сестра Чаадаева, дочь Дмитрия Михайловича Щербатова — дяди Чаадаева со стороны его матери, Натальи Михайловны Чаадаевой (урожд. Щербатовой). Н. Д. Шаховская сохранила большое количество частных писем и бумаг Чаадаева; эти материалы были представлены Д. И. Шаховским в распоряжение М. О. Гершензона и использованы последним при подготовке «Сочинений и писем П. Я. Чаадаева» (М., 1913—1914. Т. 1—2).

⁴ *Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфентьевич* (1808—1882) — историк, экономист, публицист, государственный деятель; убежденный сторонник освобождения крестьян, принимавший горячее участие в законодательной подготовке реформы 19 февраля 1861 г. В архиве Д. И. Шаховского сохранилось большое количество писем Заблоцкого к Н. Д. Шаховской за 1851—1859 гг. (РО ИРЛИ, ф. 334, № 801—820). А. А. Сиверс, очевидно, говорил о тех письмах Н. Д. Шаховской к Заблоцкому, которые ныне хранятся в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) (ф. 940, № 278). Эти 64 письма охватывают период с 7 декабря 1839 г. по 9 марта 1849 г. Наряду с сообщениями о домашних и хозяйственных делах, в них говорится о московских знакомых и родственниках Н. Д. Шаховской (в частности, о П. Я. Чаадаеве), о различных новостях общественной и литературной жизни того времени.

⁵ *Сиверс Александр Александрович* (1866—1954) — историк, один из крупнейших специалистов по генеалогии, нумизматике и другим вспомогательным дисциплинам, председатель Русского генеалогического общества; вместе с Б. Л. Модзалевским издал в 1925 г. «Алфавит декабристов».

⁶ *Гревс Иван Михайлович* (1860—1941) — историк, специалист по истории Рима и средних веков, профессор Высших женских курсов и Петербургского (позднее Ленинградского) университета, член Приютинского братства (см. преамбулу). О Гревсе см.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 165—178, 399—407; *Казанович Б. С.* Люди и судьбы: Д. И. Шаховской, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, И. М. Гревс по их переписке 1920—1930-х годов // *Звезда*. 1992. № 5—6. С. 160—170; *Шаховской Д. И.* Письма о Братстве / Публ., предисл. и коммент. Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского и М. Ю. Сорокина // *Звенья*. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 174—318. В Петербургском филиале Архива Российской Академии Наук (ф. 726, оп. 2, ед. хр. 334) хранятся письма Шаховского к Гревсу, среди которых находятся, в частности, две «беседы о Чаадаеве», относящиеся к наиболее ярким сочинениям Шаховского о любимом им философе. «Вторая беседа о Чаадаеве», содержащаяся в пространном письме от 27—30 ноября 1929 г., опубликована в книге: П. Я. Чаадаев: Pro et contra. Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост., вступ. статья и прим. А. А. Ермичева и А. А. Златопольской. СПб., 1998. С. 517—537.

Письмо 2

4 апреля 1926 г. Москва

4 апреля 1926.

М(осква). Zubovskij bul'var 15, kv. 23.

Дорогой Борис Львович. С самого посещения Пушкинского Дома все собираюсь Вам написать, да все некогда сосредоточиться хотя бы на час. А надо об очень многом написать.

1) Декабристы. Вы упомянули о втором издании «Алфавита» и о пополнении его сведениями о потомках. Мне кажется, пора отказаться от этих николаевских рамок. Конечно, прекрасно, что наконец-то, после стольких потуг мы имеем в руках «Алфавит» — не в одном и не в трех, а в трех тысячах экземпляров. Но дальнейшая работа должна бы идти уже более самостоятельным путем: издавать

сведения о декабристах надо бы по новому плану, с внесением результатов всех тех обильных сведений, которые мы сейчас имеем и которые ежедневно еще пополняются. Конечно, может быть, это не легко осуществить единолично, особенно при таком неупорядоченном положении издательского вопроса, когда не знаешь, на какого издателя сможешь рассчитывать через два или шесть месяцев и работать придется без прочной базы. Но если трудно планировать и выполнять план единолично, это возможно коллегиально. Комиссии декабристские начинают получать прочное обличье и несомненно дело изучения декабризма будет широко поставлено и (чему я придаю особенное значение) поддержано краеведческими низами. До сих пор, однако, центры не выработали общего плана работ и последние протекают несогласованно. На очереди — внесение согласованности и планомерности, и нельзя сомневаться, что эта очередная задача будет разрешена, а этим самым предопределяется издание нового «Словаря» декабристов. За него, по-моему, и надо приниматься.¹

2) В частности — о потомстве. Я охотно сообщу Вам обильные и по возможности исчерпывающие сведения о потомстве Федора Петровича. Но очень бы хотелось, чтобы Вы, не дожидаясь переиздания «Алфавита» или издания «Словаря», предприняли самостоятельную работу о потомстве декабристов. Это очень важная и очередная работа, так как только таким путем можно подойти к изучению следов живой традиции декабристов, которая гораздо богаче, чем мы себе это обычно представляем. Вы, впрочем, это конечно лучше многих знаете. Но тем важнее Вам за такую работу взяться. Я уверен, что к Вам немедленно потечет обильнейший материал.

3) Другая очередная задача — хронологическая канва декабризма. Не буду об этом распространяться. Дело ясно и без слов. Сейчас при углубленном и разнообразном изучении становится затруднительным все помнить, а еще затруднительнее — наводить постоянно справки. Вопрос в том, продолжится ли или пресечется научная работа над декабристами в широком масштабе. Для меня тут двух ответов быть не может. И дело сводится только к тому, чтобы облегчить дальнейшую работу и сделать ее более доступной широкому кругу. А для этого издание хронологической канвы необходимо.

4) Ставя задачи эти, по существу весьма узкие, но на вид довольно широкие, я вовсе не хочу сказать, чтобы работа нашей Московской комиссии² протекала правильно и успешно и чтобы она была готова воспринять подобные начинания. Напротив. Она еще не раскачалась, как и вся работа по декабризму далеко еще не поставлена на надлежащую высоту. Тем более надо ставить вытекающие из сути дела задачи. Я вижу, как работа медленно, но неуклонно налаживается, и поэтому уверен в конечном успехе. Но пока я говорю о своих узко-личных предположениях, и я еще пока не решаюсь предлагать их нашей комиссии.

5) Теперь самое главное: о Чаадаеве. Материал Пушкинского Дома прямо колоссальный. Но и помимо него имеется очень много. И это многое до того поразительно интересно и, главное, поучительно,

что прямо грешно держать его под спудом и лишать многих наслаждения и величайшей пользы от знакомства с ним. Как же тут поступить? Я считаю главным своим жизненным делом за ближайшее время способствовать выявлению этого материала и намерен, если не помешают какие-либо совсем непредвиденные обстоятельства, безостановочно над этим работать. Прежде всего мне надо для этого скопировать весь неопубликованный материал Пушкинского Дома. Количественно это не так уж много: ведь объемистые жихаревские копии³ включают в себе и перевод, и много материала уже опубликованного. И я думаю, что довольно скоро передо мной встанет вопрос об издании этого и другого материала. Частично его можно бы начать обнародовать и немедленно. Но желательно ли это? Я думаю, и да, и нет. Случайное и отрывочное опубликование — чрезвычайно нежелательно, опубликование с надлежащим выбором и по определенному плану — необходимо, чтобы заинтересовать общество (насколько таковое имеется) и вызвать новые поиски и новые открытия, а также подготовить возможность настоящего целостного издания. Пушкинский Дом, вероятно, имеет свои взгляды на это дело и пожелает обеспечить свои интересы. А может быть, если он заинтересуется этим делом так, как оно, по-моему, этого заслуживает, и придет на помощь делу обнародования материала.

Считая дело спешным и хорошо зная, что дни человека и его рабочая способность сочтены, я хотел бы поскорей выяснить эти вопросы.

Повторяю, хранить этот материал под спудом прямо грешно. И наши современники становятся понемногу способными его воспринять. И такое восприятие может и должно увеличить и развить их способность к восприятию многого прекрасного и глубокого, что пока еще лежит вне поля внимания современного поколения.

Все это может показаться пустыми мечтаниями, если бы не один огромный непреложный факт: победа Пушкина на всем столь обширном и столь неблагоустроенном фронте нашего просвещения. Если мы додумались и дочувствовались до Пушкина, то на очереди и Чаадаев.

Кажется, немцы уже до него добрались.⁴ Неужели нам дожидаться, чтобы немцы нам на него указали и потребовали у нас отчета о том, что мы укрываем из того, что он так умно и даже прямо хитро через приготовленного им специально Жихарева⁵ уберег до наших дней?

Итак, жду Вашего скорого ответа, хотя бы самого пока неопределенного и предварительного, на поставленные вопросы, а в первую очередь — на последний. Со своей стороны готов был бы в течение мая приехать и сделать какое угодно и где угодно сообщение о Чаадаеве. Повторяю, у меня имеется много материала и помимо Пыпинского архива.⁶

Ваш

Дмитрий Шаховской.

Практически мой последний вопрос сводится к следующему: какие ограничения ставит Пушкинский Дом при опубликовании материала? Должен ли он появиться в публикациях Дома? В таком

случае — когда и где его можно печатать: в «Атенее»⁷? Отдельной книжкой?

¹ Предлагаю издать «Словарь» декабристов вместо планировавшегося Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом второго издания «Алфавита» (см. их предисловие к первому изданию: Алфавит декабристов. Л., 1925. С. 17 (Восстание декабристов. Материалы; Т. 8)), Д. И. Шаховской вряд ли предполагал, что реализация набросанного им плана потребует многих десятилетий. Явившаяся результатом кропотливой работы исследователей декабризма в центре и на местах книга «Декабристы: Биографический справочник» вышла в свет лишь в 1988 г. (в Москве, в издательстве «Наука»; издание подготовлено С. В. Мироненко, под редакцией акад. М. В. Нечкиной).

² Начало «декабристским комиссиям» положила официальная Центральная комиссия по подготовке чествования декабристов под председательством М. П. Покровского, образованная в 1923 г. Вслед за ней возникли Особая комиссия для собирания и изучения материалов о декабристах при Ленинградском отделении Центрархива. Комиссия по изучению литературной деятельности декабристов при научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете и целый ряд других комиссий. В октябре 1923 г. была создана декабристская комиссия при Обществе политкаторжан в Москве. С 1925 г. в ее работе принимали участие Музей Революции, Исторический музей, Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), Общество старых большевиков, Общество любителей российской словесности, Государственная академия художественных наук. В декабре 1925 г., по инициативе кружка московских ученых-декабристов, в который входил и Д. И. Шаховский, комиссия была преобразована в Секцию по изучению декабристов и их времени, постоянно действующую при том же обществе, и в таком качестве просуществовала до марта 1931 г. (см.: К изучению истории декабристов в 1920-е годы. Воспоминания С. Н. Чернова о Е. Е. Якушкине / Публ., предисл. и коммент. А. В. Ратнера // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 320). Председателем президиума секции была В. Н. Фигнер. Шаховской входил в состав редакционного комитета и неоднократно председательствовал на заседаниях секции, а также выступал с докладами.

³ Копии ряда неизвестных сочинений и писем Чаадаева были выполнены его двоюродным племянником Михаилом Ивановичем Жихаревым (1820—1882), который с начала 1840-х гг. был одним из наиболее близких ему людей и всю жизнь продолжал считать Чаадаева своим наставником. После смерти философа Жихарев перевез его библиотеку и бумаги, доставшиеся ему согласно завещанию Чаадаева, в село Варварино Шапкинской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Там он разбирал рукописи и готовил их к публикации. Предложенная им для январской книжки «Современника» 1861 г. «Апология сумасшедшего» не смогла, однако, быть напечатана по цензурным причинам. Не теряя надежды опубликовать дадины сочинения, Жихарев отправился за границу. В конце 1860 г. он встречался в Париже с И. С. Гагариным и в Лондоне с А. И. Герценом. Гагарину он отдал часть своих материалов, которые составили томик под названием «Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, publiées pour la première fois par le Père Gagarin, de la Compagnie de Jésus» (Paris; Leipzig, 1862; включает первое, шестое и седьмое «Философические письма», отрывок об архитектуре, «Апологию сумасшедшего», «Записку» Бенкендорфу и 10 частных писем). Затем Жихарев через А. Н. Пыпина передал копии бумаг Чаадаева вместе со своим переводом в редакцию журнала «Вестник Европы», но там из них было напечатано лишь немного (см.: Неизданные рукописи П. Я. Чаадаева // Вестник Европы. 1871. № 11. С. 324—344; 1874. № 7. С. 83—95). Впоследствии жихаревские копии перешли от А. Н. Пыпина к его зятю Е. А. Ляцкому, а в 1926 г. вместе со всем архивом Пыпина поступили в Рукописный отдел Пушкинского Дома (ф. 250, оп. 5, в общей сложности 68 ед. хр.).

⁴ Имеются в виду следующие немецкие публикации сочинений Чаадаева: *Schriften und Briefe*. München, 1921; *Philosophische Briefe // Das östliche Christentum: Dokumente*. München, 1923. Bd. 1.

⁵ В заметке, посвященной истории завещания Чаадаева (согласно которому все бумаги покойного передавались Жихареву), Шаховской писал: «Чаадаев тщательно, но не совсем по обычному шаблону обеспечил выполнение по смерти его последней воли. (...) Он изложил ее в особой записке и передал по экземпляру трем лицам (...). Независимо от нее отдельно еще писал племяннику Жихареву об участии своих бумаг,

требуя от него решительного подтверждения данного уже ранее обещания позаботиться об их сохранности. Он как бы навсегда обязывал Жихарева выполнением этой миссии» (Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 756).

⁶ См. прим. 3.

⁷ Историко-литературный вестник «Атеней» выходил в 1924—1926 гг. при Пушкинском Доме под редакцией П. Н. Сакулина, Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксманна.

Письмо 3

17—18 сентября 1926 г. Москва

Москва 21 (так велят писать! 21 — № почтового отдел(ения))
Зубовский б(ульвар) 15, кв. 23.

17 сентября 1926.

Многоуважаемый Борис Львович. Я все собираюсь написать Вам обстоятельное письмо, но всякие мысли, кажущиеся простыми, бесспорными и легко осуществимыми, пока рассуждаешь по существу и по законам логического мышления, оказываются такими безвременными и лишенными реального содержания, когда подходишь к ним с критерием осуществимости, что боишься братья за перо. Я и сейчас буду весьма воздержан в выражении своих мыслей. Более всего мне давно хотелось Вам писать по поводу Ваших примечаний к письмам Пушкина. Ну, как мириться с остановкой в печатании такой готовой вещи!¹ Ведь добро бы признавалось, что письма самые неинтересные. Но письма напечатаны, и всегда так досаждают и издатели и читатели, и особенно исследователи, движущие науку далее (а как еще младенчески примитивна наша наука о р(ус)ск(ой) общественности и словесности и какое бесконечное движение ей предстоит!), что нет объяснительных примечаний и что задерживается их выход,² — а тут — издатель торгуется, медлит — с Пушкиным! Но что тут скажешь и что тут поделаешь? Мы стоим перед фактом, — но должны ли мы перед этим фактом так уж беспрекословно преклониться и ему подчиниться? Я никак не могу этому поверить. Все-таки с Пушкиным в руках — можно, мне кажется, и поспорить. Во всяком случае надо, казалось бы, сделать попытку, поднять всех святых или по крайней мере закричать караул! И вместе с тем — понимаю отлично, что, может быть, совсем ничего этого не надо, а приходится подчиниться и отказаться от всяких рассуждений. Потому что, чем бесспорнее рассуждение, тем дальше приходится его прятать. Так я понимаю, что не только чувству, но и разуму не следует давать воли. Но все же надо же со всею скромностью и самоограничением, со всем признанием, совершенно искренним и безоговорочным, огромных прав занять наше внимание и средства за культурой якутской,³ — все же поставить вопрос о том, что и русская культура — не потому, что она своя, а уже просто по объективной значимости в общем развитии человечества и по практической ценности тех выводов, к(ото)рые получаются из ее

изучения, — также заслуживает нашего внимания и заботы. Или по крайней мере — устранения препятствий к ее изучению.

Как Вы думаете? Или Вы полагаете, что лучше совсем никак об этом не думать? Я вам даже вот что скажу: всего правильнее с Вашей стороны, действительно, гнать от себя эти мысли, пока не стали об этом думать другие. Но вот как бы сделать так, чтобы эти другие наконец задумались над этим вопросом.

Вот и с моим Чаадаевым. Вероятно, как-нибудь бочком можно было бы его протолкнуть в дверь... Но, право, как-то не поднимается рука — предпринимать грандиозные планы или использовать ненароком счастливые случайности, чтобы, просунув его бочком, как Добчинский, явить русскому обществу, науке и миру — кого же? — Чаадаева! Скрытого Николаем не только от внешнего мира, но и от самого творца этих писаний!

И знаете, хотя я знаю, что все это именно так, — я все-таки, что хотите со мной делайте, — все-таки не могу этому поверить. Должен быть какой-то способ заставить раскрыть враспашку парадные двери и перед Пушкиным, и перед Чаадаевым.

У меня сейчас воспаление гортани, я принужден сидеть дома и молчать (может быть, поэтому и шалит философия!). И, пользуясь этим, прочел основательно II том корниловской книги о Бакуanine.⁴ Там многое очень интересно и по существу. Но меня сейчас интересует особенно самый факт появления этой книги во всем ее объеме. Посмотрите на стр. 354, 372, 373, 405.⁵ К сожалению, в подробнейшем указателе нет слова Бог, хотя персона эта столь часто появляется на страницах книги не только в указанных мною местах, а и во многих других. А вот ведь прошла вся эта философия и мы получили ценнейшее орудие для познания исторических судеб русской культуры. Я понимаю, что прошло это под таким флагом, как Бакунин. Понимаю и другое: прошла книга, может быть, только благодаря тайному упованию, что мало кто заглянет в длинные рассуждения чудаков, которые и друг другу-то в свое время порядком надоели, и подчас вызывали даже мольбу о пощаде (см. взрыв довольно справедливого, хотя отчасти вызванного и личными обстоятельствами негодования Татьяны Бакуниной⁶ на стр. 412 и след.). Но как бы то ни было — anno domini 1925, Гиз под № 10151 выпустил в 4000 экз. книгу в 38⁵/₈ л., посвященную изложению судеб русского идеализма тридцатых и сороковых годов, без ругани и осмеяния.

Бакунин — большое имя. Но и Пушкин — не маленький. Повторяю, я отлично понимаю, что В а м-то всего опаснее слишком рьяно сражаться за Пушкина. Но в русском обществе при всяких или, вернее, и при настоящих, чрезвычайно трудных, часто иррациональных, но все же не совсем уж животных или оголтелых условиях должны найтись какие-то силы в защиту Пушкина. Мне до смерти хочется найти эти силы.

Но легко мечтается об этом, только когда сидишь прикованный к комнате — и особенно с книгой о Бакунинах на столе. Однако же, легко или нелегко, а кое-что в этом направлении можно и должно делать. Ведь не такие же уж уроды почтенные академики, чтобы не могли понять всю ненормальность создавшегося положения, и хотя и расположена Академия на самом краю крещеного света, отделен-

ная от него Невой, но все же не отрезана она от него, а напротив — тысячью нитей неразрывно связана. С другой стороны, не может вечно длиться полное безразличие русского общества к делам Академии. И особенно теперь, когда столько других центров соединения утрачено, не может общественная мысль, в поисках творческого воссоздания русской культурной жизни, не останавливать своего взгляда на Академии, имеющей мощный материальный аппарат, сношения с мировыми научными центрами и необходимой государству, как центр знания и общения с общечеловеческой наукой. А то, что без знания и без такого общения никак не проживешь и что безумие, избавившись от блокады внешней, создавать своими усилиями пагубное отчуждение — все это, к счастью, уже входит в общее сознание.

Как видите, я таки не удержался и впал в совершенно излишние рассуждения — излишние, потому что Вам их нечего преподносить, Вы лучше меня все это сознаете, а говоря об этом с Вами, нисколько не влияешь на те силы, которые могли бы изменить дело. Но слишком уж досадно на создавшееся в Академии положение.

18 сентября.

Позвольте, восстав на другой день от сна, еще кое-что прибавить, несмотря на признаваемый мной малodelовой характер всех этих благопожеланий. Но все-таки, как хотите: неужели Пушкинский Дом не может изготовить записку — о неотложных очередных задачах науки о Пушкине? Независимо от ее практического успеха в ближайшее время, не нужна ли она для имеющего ведь не в столь отдаленном будущем наступить поворота в отношении самой Академии к «грациозному Гению» Пушкина, как сказал Чаадаев в своей «Апологии безумца»?⁷ Да и для большой рати внеакадемических, бездомных пушкинистов формулировка очередных задач была бы насущно важным делом и — кто знает? — даже и не найдя прямого отклика в Академии, не разбудит ли такая записка движение, которое — хотя бы и кружным путем — докатится и до Академии и вернет ее на тот путь, на котором она должна бы стоять и с которого не имеет ни нравственного, ни даже формального права сходить.

Ведь действительно: Академия предприняла «академическое» издание сочинений Пушкина,⁸ она предприняла издание специального периодического издания о Пушкине,⁹ она получила плоды общерусского преклонения перед Пушкиным, и Пушкинский Дом не есть каприз Академии, который она может видоизменять по своей или по чужой прихоти, а великий дар и бесценное сокровище, к(ото)рые Академия приняла от русского общества и от русской науки с обязательством осуществить национальный долг перед памятью величайшего русского поэта, который и теперь еще служит лучшим оплотом против натисков на русский ум. Ведь, в самом деле, все это не шутка и не канцелярское дело под синей или желтой обложкой.

И вот видите, как я ни старался подойти к делу скромненько, — ничего не выходит. Как только прикоснешься к Пушкину, он простым манием руки сбивает все перегородки и мы стоим перед пушкинской задачей во всем ее величии и жизненной полноте. Надо знать Пушкина, надо его дать освобожденному и долженствующему в определенные календарные сроки стать грамотным народу,¹⁰ надо научиться извлекать из него всю ту огромную пользу, о которой мы пока имеем еще самое смутное понятие и к сознательному представлению о которой только еще подошли. А для всего этого нужен ж и - в о й и м о щ н ы й центр пушкиноведения, и если Академия не хочет или не может быть, т. е. остаться таким центром, она должна заявить об этом, и придется создавать другой центр, как это ни нелепо и ни расточительно.

Вы, конечно, отлично понимаете, что я не против Вас — Модзалевского, Пушкинского Дома и пр. — говорю, а за вас. И, конечно, виной всему — наше общее а к т и в н о е равнодушие, пассивное восприятие Пушкина, и пассивность вообще. Мы все еще молимся: «Да будет воля Твоя», — забывая даже, что и эта молитва требует водворения божьей воли не только в небесах, а и на земле, а до чаадаевской энергичной молитвы — «Adveniat regnum tuum» — нам еще так далеко.¹¹ Но все же мы, хоть и медленно, — а впрочем, и не так уж медленно, потому что вся наша революция не есть ли, в конце концов, если и не очень аккуратный, то все же довольно-таки крупный шаг к «царствию божию», — так мы все же идем к активности и не будем отчаиваться: может быть, можно спустить пушкинский вопрос с неба или изъять его из синей обложки, поставить его на ноги и заставить ходить.

Как Вы думаете? Теперь окончательно умолкаю, пока не получу Вашего отзыва.

Ваш Дм. Шаховской.

¹ Летом 1926 г. первый том писем Пушкина под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского еще находился в типографии, но осенью уже был отпечатан. Второй том вышел в 1928 г. Как писал Модзалевский 1 июня 1926 г. в предисловии к первому тому, эти два тома были закончены еще в 1920 г. для издательства З. И. Гржебина, но не смогли выйти в свет (*Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. Т. 1: 1815—1825. М.; Л., 1926. С. XLVII (Сер. «Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР»)*).

² Отсутствие комментария к академическому изданию переписки Пушкина (*Пушкин А. С. Сочинения. Переписка / Ред. В. И. Саитов. СПб., 1906—1911. Т. 1—3*), неоднократно вызывало сетования исследователей (краткую сводку подобных высказываний см.: *Пушкин А. С. Письма. Т. 1. С. XLI*).

³ В 1925 г. была создана специальная Комиссия АН СССР по изучению Якутской АССР.

⁴ Имеется в виду книга историка Александра Александровича Корнилова (1862—1925) «Годы странствий Михаила Бакунина» (Л.; М., 1925). Товарищ Шаховского по Приютинскому братству (см. преамбулу), Корнилов стал впоследствии видным деятелем Конституционно-демократической партии (продолжительное время был секретарем центрального комитета кадетов). Первая книга задуманной Корниловым серии «Семейство Бакуниных» — «Молодые годы Михаила Бакунина» — вышла в свет в Москве в 1915 г.

⁵ На указанных страницах находятся пространные рассуждения о Боге в письмах Павла Александровича Бакунина (1820—1900), брата М. А. Бакунина.

⁶ Подразумевается письмо сестры М. А. и П. А. Бакуниных, Татьяны Александровны Бакуниной (1815—1872), к брату Павлу от 14 октября 1850 г. (*Жорнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925. С. 412—414.*)

⁷ В «Апологии сумасшедшего» Чаадаев писал, касаясь высказанной ранее им самим пессимистической оценки настоящего и будущего России: «... Может быть, превеличением было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина» (*Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 1. С. 537*). Как нередко случается у Шаховского, он соотносит эти слова Чаадаева с советской действительностью 1920-х гг., в которой еще хочет видеть задатки чего-то лучшего. Незадолго до письма Модзалевскому, 6 сентября 1926 г., он цитировал те же слова из «Апологии сумасшедшего» в открытке В. И. Вернадскому: «Чаадаев тоже, как и ты, пережил тяжелую полосу раздумья и недоверия к силам р(ус)ск(ого) народа. Но в своей „Апологии сумасшедшего“ он написал: (далее следует во французском оригинале уже приведенная цитата). — Каково!» (*Шаховской Д. И. Письма В. И. Вернадскому // Сфинкс. 1994. Вып. 2. С. 208*).

⁸ *Пушкин А. С. Сочинения. СПб.: Изд. имп. Академии Наук, 1899—1929. Т. 1, 2, 3, 4, 9, 11.*

⁹ *Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., Л., 1903—1930. Вып. 1—39.*

¹⁰ Имеется в виду декрет Совета народных комиссаров «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» (26 декабря 1919 г.) и деятельность созданной в 1920 г. при Наркомпросе РСФСР Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности, а также общества «Долой неграмотность», образованного по декрету СНК в 1923 г.

¹¹ «Да приидет царствие Твое» (*лат.*) — слова молитвы «Pater noster», ставшие эпиграфом к первому «Философическому письму». Ср. также слова Чаадаева в письме к С. Д. Полторацкому 1850 г.: «Что я сказал? Что, по-моему, неверно были поняты слова Господа, *не от мира сего царство мое*; что смысл, который им обычно приписывают, совершенно не соответствует молитве, обращающей нами к Богу в Отче Наш, когда мы просим, чтобы *его царство настало на земле, как и на небесах*» (*Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. С. 249*).

Письмо 4

7 октября 1927 г. Москва

7.X.1927.

Дорогой Борис Львович! Не знаете ли Вы судьбу писем Чаадаева брату Михаилу, напечатанных проф. Варшавского университета Вилковым¹ в «Записках Общества истории, филологии и права при Варшавском унив(ерситете)» 1912 г. (вып. 6, стр. 136—180), а затем перепечатанных с подлинников в «Сочинениях и письмах» Чаадаева под ред. Гершензона (1913 г.).² Дело в том, что было бы очень важно точно установить почерк Чаадаева во время заграничной поездки. Я имею основания думать, что приписанная Гершензоном Чаадаеву Штиллинговская чертовщина (см. Сочинения и письма, I. № 20, стр. 38—52) ничего общего с Чаадаевым не имеет.³

Ответ на эти вопросы о возможном нахождении Вилкова и принадлежащих ему письмам надеюсь получить от Вас лично, пишу же, чтобы не забыть, и в надежде, что Вы при случае вспомните об этих письмах и, может быть, постараетесь заполучить их для Пушкинского Дома. 25 писем Чаадаева 20-х годов из-за границы — очень интересная вещь и необходимо сохранить подлин-

ники в музее. Наверное, Вилков где-нибудь профессорствует и это не трудно узнать.⁴

Ваш Дмитрий Шаховской. До свиданья!

На обороте: Ленинград.
Васильевский остров,
7 линия, д. № 2.
Борису Львовичу
Модзалевскому.

¹ Вилков Александр Александрович (1872—?) — приват-доцент Варшавского университета. Опубликованные им письма Чаадаева перешли к нему от отца, который был священником принадлежавшего Чаадаевым села Хрипунова Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Подробнее о Вилкове см.: Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. С. 565 (биографическая справка В. В. Сапова).

² Первая публикация двадцати шести (а не двадцати пяти, как пишет ниже Шаховской) писем П. Я. Чаадаева к брату М. Я. Чаадаеву в «Записках Общества истории, филологии и права при Варшавском университете» содержала расхождения с орфографией подлинника. Уточнения в их текст внес М. О. Гершензон, которому А. А. Вилков предоставил возможность сличить текст писем с оригиналом (Чаадаев П. Я. Сочинения и письма / Под ред. М. Гершензона. М., 1913. Т. 1. С. 4—38, 54—65, 67 (№ 4—19, 22—30, 34)).

³ Одним из главных «обогащений» своего издания М. О. Гершензон считал «мистический дневник» под названием «Mém(oires) sur Geist(er)kunde» («Записки о духоведении»), якобы принадлежавший перу Чаадаева и относившийся к августу 1824—январю 1825 г. (Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. М., 1913. Т. 1. С. 39—52; см. там же Предисловие, с. V); версия о принадлежности этого сочинения автору «Философических писем» была впервые высказана А. И. Кирпичниковым (Кирпичников А. И. П. Я. Чаадаев. (По новым материалам) // Русская мысль. 1896. Кн. 4. С. 148). Сомнения Д. И. Шаховского в принадлежности этих записок Чаадаеву оправдались. Более того, ему удалось установить имя настоящего автора «мистического дневника». Им оказался друг Чаадаева, Дмитрий Александрович Облеухов (1790—1827), вообще увлекавшийся мистическими сочинениями (см.: Шаховской Д. И. Якушкин и Чаадаев. (По новым материалам) // Декабристы и их время. М., 1932. [Т. 2]. С. 161—200). Задолго до опубликования указанной статьи, 22 декабря 1927 г., Шаховской говорил о принадлежности «мистического дневника» Облеухову в докладе «Якушкин, Чаадаев, Облеухов» на заседании Секции по изучению декабристов и их времени при Обществе политкаторжан (Государственный архив Российской Федерации, ф. 533, оп. 1, д. 67, л. 58—59 (указано Я. В. Леонтьевым: Д. И. Шаховской о Чаадаеве // Очерки по истории русской культуры. Саратов, 1994. С. 88)). 24 августа 1928 г. он писал И. М. Гревсу: «На самом деле кошмарный дневник, приписанный Герш(ензо)ну Ча(адае)ву, вовсе не Ча(адае)ву принадлежит: он писан приятелем Чаад(ае)ва и Якушкина Облеуховым, как доказано мной совсем непреложно. Поэтому и все рассуждения Герш(ензо)на об источнике „мистицизма“ Ча(адае)ва и характеристике этого „мистицизма“ извращены» (Каганович Б. С. Люди и судьбы. С. 163). «Штиллинговской чертовщиной» Шаховской называет записки Облеухова потому, что там приводятся многочисленные цитаты из сочинений немецкого философа-мистика Генриха Юнга-Штилинга (1740—1817) «Theorie der Geisterkunde, in einer Natur-, Vernunft- und Bibelmaßßigen Beantwortung der Frage: Was von Ahnungen, Gesichtern und Geisteserscheinungen geglaubt und nicht geglaubt werden müsse» («Теория духоведения, изложенная в сообразном с природой, рассудком и Библией ответе на вопрос: Чему можно и чему нельзя верить касательно предчувствий, видений и явлений духов»; Nürnberg, 1808) и «Apologie der Theorie der Geisterkunde» («Апология теории духоведения»; Nürnberg, 1809).

⁴ Дальнейшая судьба А. А. Вилкова пока неизвестна. Оригиналы принадлежавших ему писем Чаадаева хранятся в настоящее время в Чехии (см.: Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. С. 565).

Письмо 5

23 ноября 1927 г. Москва

Москва 21. — Зубовский б(ульвар) 15, кв. 23. 23 ноября 1927.

Многоуважаемый и дорогой Борис Львович.

Я все не могу стряхнуть с себя ленинградского очарования — и предаюсь подчас глупым мечтаниям. Но очарование так прочно, что глупость меня не смущает и, случается, побеждает мудрость сего века. Одна из моих глупостей вот такая. Нельзя ли поручить кому-либо — если нет более безумного, чем я, то взял ли на себя сию миссию и я — съездить в Борисоглебск для розыска архива Жихарева.¹ Конечно, для этого нужна платная командировка и рублей 100 расхода.

Я знаю, что Академия особа строгая и весьма расчетливая, по крайней мере когда дело касается русской культуры (ведь мы по-русски говорить и читать умеем бесплатно — так о чем же еще беспокоиться?), поэтому я отнюдь не рассчитываю получить от Вас сразу благоприятный ответ. Я прошу только предвзятого самого общего и безответственного совета: можно ли на что-либо рассчитывать. Если можно — я бы составил обстоятельную записку: «Архив Чаадаева» с приложением всех усилий Жихарева сохранить и опубликовать дядины бумаги.² Такая работа необходима и помимо вопроса о командировке, и она у меня запланирована. Но если она может вызвать практические шаги, я бы ускорил ее завершение.

Между прочим, мне сказал Валк, что он слышал, будто в Москве появились несколько лет тому назад подлинные бумаги Чаадаева, но затем не только исчезли, но каким-то образом даже погибли.³ Он обещал навести более точные справки, но пока не сообщил ничего. Кажется, он слышал это от Куна.⁴

Так сообщите в открытке два слова: стоит или не стоит об этом помышлять.

И кстати дайте адрес харьковского Гершельмана — для Вадковского.⁵

Копии стихов Пушкина пришлю с Измайловым.⁶

Ваш Дмитрий Шаховской.

Надеюсь, что Вы поправились. Привет Вашим домашним и всем домашним Пушкина на Тучковой набер(ежной).⁷

¹ Архив Жихарева так и не был найден (кроме части, переданной им самим в Румянцевский музей — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 103).

² Такой записки в архиве Д. И. Шаховского не обнаружено. «Усилиям Жихарева сохранить и опубликовать дядины бумаги» посвящена машинописная работа Шаховского под названием «Переписка по поводу статьи о Чаадаеве и копий с его бумаг, доставленных М. И. Жихаревым редакции „Вестника Европы“» (РО ИРЛИ, ф. 334, № 166).

³ Валк Сигизмунд Натанович (1887—1975) — историк, археограф, источниковед, специалист по экономической истории России, исследователь деятельности М. Н. Сперанского. По-видимому, именно сообщение С. Н. Валка имел в виду Шаховской, ког-

да писал в 1934 г.: «По сообщенным мне одним лицом сведениям, подлинные бумаги Чаадаева из коллекции Жихарева перед Октябрьской революцией находились в Москве, но затем куда-то исчезли, и о дальнейшей их судьбе сколько-нибудь достоверных сведений у меня нет» (*Чаадаев П. Я.* Неопубликованная статья / С предисл. и коммент. Д. И. Шаховского // *Звенья.* М.; Л., 1934. Вып. 3—4. С. 370). Эти бумаги не найдены и по сей день.

⁴ *Кун Владимир Николаевич* (1886—1955) — историк, исследователь декабристского движения. Входил в научный кружок, сложившийся в Москве зимой 1925—1926 г. вокруг Е. Е. Якушкина (1859—1930), внука декабриста И. Д. Якушкина. Членами кружка были также С. Н. Чернов (1887—1942), Б. Е. Сыроечковский (1881—1961), Н. П. Чулков (1870—1940) и Д. И. Шаховской. Именно в рамках этого сообщества историков родилась инициатива обратиться к Всесоюзному обществу политкаторжан и ссыльпоселенцев с предложением об организации особой секции по изучению декабристов и их эпохи (см.: К изучению истории декабристов в 1920-е годы. Воспоминания С. Н. Чернова о Е. Е. Якушкине. С. 323).

⁵ *Гершельман Владимир Константинович* (1880—1934) — харьковский историк-любитель, собиратель материалов о декабристе Ф. Ф. Вадковском (см. публикацию Н. Ю. Заварзиной в наст. изд.).

⁶ *Измайлов Николай Васильевич* (1893—1981) — пушкинист, текстолог; с 1924 г. заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома. Совместно с Б. Л. Модзалевским издал популярную биографию Пушкина (*Измайлов Н. В., Модзалевский Б. Л.* Пушкин: Очерк жизни и творчества. Л.; М., 1924 (Сер. «Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук»)). Помогал Б. Л. Модзалевскому в подготовке первого и второго томов «Писем» Пушкина (для т. 1 Н. В. Измайловым была произведена проверка текстов и примечаний, а также выполнен ряд переводов с французского; для т. 2 он сверял тексты писем с автографами поэта). Сотрудничество Н. В. Измайлова в этом издании продолжилось и после смерти Б. Л. Модзалевского. Именно им были подготовлены тексты большинства пушкинских писем для т. 3, вышедшего в 1935 г. под редакцией Л. Б. Модзалевского. Много лет спустя Н. В. Измайлов (вместе с коллективом авторов) завершил издание пушкинских писем, подготовив к печати книгу «Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837» (Л., 1969), в которой были творчески переработаны и усовершенствованы принципы подачи материала, выработанные в издании Модзалевских (за счет уменьшения объема генеалогических разысканий был существенно расширен собственно историко-литературный комментарий). Кроме того, Н. В. Измайлов совместно с П. Е. Щеголевым и при участии Л. Б. Модзалевского отредактировал книгу Б. Л. Модзалевского «Пушкин» (Л., 1929). Ему же принадлежат два некролога Б. Л. Модзалевского (Красная газета, веч. вып. 1928. 4 апр.; Мир приключений. 1928. № 5. С. 2—4) и статья о нем, приуроченная к столетнему юбилею исследователя (*Измайлов Н. В.* Борис Львович Модзалевский (1874—1928) // *Русская литература.* 1974. № 3. С. 144—151).

⁷ То есть сотрудникам Пушкинского Дома, расположенного на Тучковой набережной (ныне наб. Макарова, 4).

Письмо 6

24 ноября 1927 г. Москва

24.XI.1928. М(осква). Зуб(овский) б(ульвар) 15, кв. 23.

Чтобы Вам показать, что наши краеведы на высоте положения, сообщаю Вам выписку из письма дмитр(овского) краеведа Ив(ана) А(лексан)дровича Смирнова, к(ото)рого я запросил о Михалеве:¹

«Сельцо Михалево находится в 7 верстах от села Рогачева, по направлению к Клину, и до 1782 г. было в Дмитровском у(езде). Оно принадлежало члену Академии Наук Мих(аилу) Иван(овичу) Вереvкину,² к(ото)рый здесь на старости лет и занимался переводами. Он перевел

Записки Сюлли — 10 т.³
Путешественатель всемирный — 23 т.
Записки китайские — 6 т.

и т. д. и т. д.

Написал 2 комедии: „Точь-в-(точь)“ и „Дак и должно“.⁴ Умер в 1795 г. и погребен в с. Покровском в 4 верстах от Михалева. Все эти переводы Веревкина есть в Дмитровском музее в библиотеке П. Хр. Обольянинова⁵. —

Может быть, тут только ошибочно Веревкин назван членом Ак(адемии) Наук вм(есто) Росс(ийской) Ак(адемии).⁶ —

Как видите, для Дмитровской библ(иотеки) не стоит высылать Ваших томиков, а лучше распорядитесь послать их в Сергиево, Московской губ., Музей краеведения. Там их нет, а для характеристики усадебной культуры XVIII века края они годятся.⁷

Ваш

Дмитрий Шаховской.

На обороте: Ленинград,
Васильевский остров,
7 линия, д. 2, во дворе.
Борису Львовичу
Модзалевскому.

¹ Как позволяет заключить дальнейшее содержание письма, о селце Михалево запросил Д. И. Шаховского Б. Л. Модзалевский, внимание которого привлекло упоминание этого села на титульном листе одного из следующих двух изданий, находившихся, по-видимому, в его библиотеке: История о странствиях вообще по всем странам земного круга, сочинения господина [А.-Ф.] Прево, сокращенная новейшим расположением чрез господина Ла-Гарпа, члена Французской академии (<...>). На российский язык переведена 1782 года Дмитровского уезда в селце Михалево. М., 1782—1787. Ч. 1—22; Записки, надлежащие до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев, сочиненные проповедниками веры христианской в Пекине. Изданы в Париже с воли и одобрения короля в 1776, на российский же язык предложены в 1785 году, губернии Московской, Клинской округи в селце Михалево. М., 1786—1788. Т. 1—6. Более вероятно, что Б. Л. Модзалевский хотел послать в Дмитровский музей томики первого из указанных изданий, на титуле которого прямо упомянут Дмитровский уезд. К Д. И. Шаховскому Б. Л. Модзалевский обратился в данном случае как к знатоку усадебного быта Московской губернии. См. более позднюю статью Д. И. Шаховского «Декабристские усадьбы в Московской губернии» (Московский краевед. 1929. № 3. С. 8—29).

² *Веревкин Михаил Иванович* (1732—1795) — драматург, переводчик. Выйдя в отставку в 1785 г. в чине действительного статского советника, поселился в селце Михалево, где целиком отдался переводческой деятельности.

³ «Записки Максимилиана Бетюна герцога Сюлли, первого министра Генриха IV» (М., 1770—1776. Т. 1—10). О двух других изданиях см. прим. 1.

⁴ Помимо указанных комедий «Точь-в-точь» (1774, опубл. 1785) и «Так и должно» (1773), Веревкин написал еще комедию «Именинники» (1774).

⁵ *Обольянинов Петр Хрисанфович* (1752—1841) — генерал-прокурор Сената, губернский предводитель дворянства Московской губернии.

⁶ В полном соответствии с сообщением дмитровского краеведа, Веревкин был с 1782 г. членом-корреспондентом Академии Наук, а не Российской академии, в подготовительных работах которой по созданию словаря русского языка он, впрочем, деятельно участвовал (см.: Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 149—150).

⁷ Сергиевский музей краеведения был хорошо знаком Шаховскому уже потому, что в Сергиеве (Сергиевом Посаде) в первой половине 1920-х гг. жила его дочь Н. Д. Шаховская (1890—1942), муж которой, Михаил Владимирович Шик (1886—

1938) был православным священником и близко общался с П. А. Флоренским (см.: Казанович Б. С. Люди и судьбы. С. 162).

Письмо 7

22 декабря 1927 г. Москва

Москва 21. Зуб(овский) б(ульвар) 15, кв. 23. 22.XII.1927.

Дорогой Борис Львович. Получил вчера Ваше письмо, к(ото)рое меня совершенно удовлетворило. Я знаю, как трудно с деньгами и со временем, поэтому и не ждал ничего более определенного и ничего более скорого. Мне важнее всего нравственная поддержка и готовность оказать помощь. Очень может быть, путем переписки с тамбовскими и борисоглебскими краеведами или даже властями удастся все выяснить без всякой поездки. У ЦБК¹ наверное есть адреса и наверное там бывают приезжие из тех стран, не заморских, а весьма близких к нам, живые люди. — Доклад «Архив Чаадаева» изготворю к концу января, постараюсь его сделать литературно интересным и прочту, где Вы прикажете. К половине января думаю опять выбраться на месяц к Вам в Ленинград. Имею так много Вам сказать, что пишу не письмо, а открытку: письмом и приятной беседой с Вами увлекся бы на несколько часов, а у меня сегодня доклад в Секции декабристов.² Думаю Вас увидеть в Москве в начале января.

Ваш Дмитрий Шаховской.

На обороте: Ленинград.
Васильевский остров,
7 линия, д. 2, во дворе.
Борису Львовичу
Модзалевскому.

¹ ЦБК — Центральное бюро краеведения, председателем которого был до 1929 г. С. Ф. Ольденбург. Методическим бюро ЦБК руководил другой член Приютинского братства — И. М. Гревс, построивший целую концепцию «гуманитарного краеведения». В 1929 г. ЦБК было переведено из Ленинграда в Москву и руководство краеведческой деятельностью полностью перешло к государству (см.: Борисов В. М., Переченов Ф. Ф., Рогинский А. Б. О социально-психологических источниках учения В. И. Вернадского о ноосфере. С. 247).

² В этот день, 22 декабря 1927 г., Шаховской выступил на заседании Секции по изучению декабристов и их времени при Обществе политкаторжан с докладом «Якушкин, Чаадаев, Облеухов» (см. прим. 3 к п. 4).

Д. И. ШАХОВСКОЙ — Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОМУ

Письмо 8

Начало октября 1932 г. Москва

Многоуважаемый Лев Борисович.

Очень жалею, что Вас не застал и не могу дать лично некоторых разъяснений. У меня все по письму на стр. 346—355 готово,¹ но не успел сегодня перебелить, непременно сделаю это и вышлю в первый же день по приезде в Москву, т. е. завтра. —

Ваши вырезки, к(ото)рые также возвращаю, были очень мне полезны и, как нововременского происхождения, были мне совсем неизвестны. Нет их и у Quénet.²

Всего хорошего. Главное — успешной работы.

Ваш

Дмитрий Шаховской.

адр(ес): Москва-21,
Зуб(овский) бульвар, 15, кв. 23.

За мной Вашего больше ничего нет.

На открытке помета рукой Л. Б. Модзалевского: Нач. X. 1932.

¹ Возможно, речь идет о комментарии к письму Пушкина Чаадаеву от 6 июля 1831 г., но по какому изданию приводит Шаховской страницы письма, установить не удалось. В томе 3 «Писем» Пушкина, вышедшем в издательстве «Academia» в 1935 г. под редакцией Л. Б. Модзалевского, комментарий к указанному письму начинается обширной преамбулой, сообщенной, согласно помете, Шаховским (*Пушкин А. С. Письма*. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 330—333).

² *Кенэ Шарль (Ch. Quénet)* — французский историк, специалист по Чаадаеву, автор книги «Tchaadaev et les Lettres philosophiques. Contribution à l'étude du mouvement des idées en Russie» (Paris, 1931), в которой были использованы в том числе и некоторые материалы, полученные от Шаховского.

Письмо 9

8 июня 1934 г. Москва

8.VI.1934.

Многоуважаемый Лев Борисович. Давно собираюсь написать Вам. Хотелось бы обменяться сведениями и мыслями по разным вопросам пушкиноведения. Пока шлю этот предварительный запрос, так как по всей вероятности Вы не сегодня-завтра попадете в Москву и некоторые темы можно отложить до личного свидания. — Я и шлю Вам пока почти один только вопрос: когда и надолго ли Вы попадете этим летом в Москву. — Со своей стороны я давно собираюсь в Ленинград, но разные обстоятельства заставляют все откладывать пбездку. Во всяком случае, ранее числа 10 июля мне не со-

браться. Я очень застрял со своим Чаадаевым, но теперь как будто дело с Философическими письмами подходит к концу.¹ Я давно сдал весь текст и перевод, но застрял на вводной статье и комментариях. Обилие материала и трудность темы — по объяснению некоторых взглядов Чаадаева — меня задержали против всяких ожиданий моих и издательства и, конечно уж, против всех договоренных сроков и данных отсрочек.²

Радуюсь, что, по-видимому, выходят 3 и 4 томы «Писем».³ Так ли это? Или дело еще затянется? Не надо ли Вам что-либо от меня по чаадаевской части? Охотно и быстро выполняю все, что Вам надо. Я сейчас пришел в боевое и бодрое настроение и не затыкаю ответа. — А мне бы очень надо кое о чем справиться также по переписке: главное, мне очень важно знать, где подлинник письма Чаадаева к Пушкину 1829 г. и на чем основана его датировка.⁴

Ваш Д. Ш.

На обороте: Ленинград-34,
Васильевский остров,
7 линия, д. 2, кв. 5.
Льву Борисовичу
Модзалевскому.

От Д. И. Шаховского — Москва-21,
Зубовский бульвар, 15, кв. 23.

¹ Речь идет о пяти «Философических письмах», найденных Д. И. Шаховским в архиве коллекционера П. Я. Дашкова, поступившем в Пушкинский Дом в 1919 г. (РО ИРЛИ, ф. 93, оп. 3). Среди прочих материалов там находился и пакет бумаг III Отделения, в котором и был обнаружен единственный сохранившийся комплект «Философических писем» (см. также преамбулу). Сенсационная публикация Шаховского увидела свет в т. 22—24 «Литературного наследства» (М., 1935. С. 18—78). Французский текст неизвестных «Философических писем» сопровождался переводами и комментариями Д. И. Шаховского, а также его статьей «Чаадаев — автор „Философических писем“» и вступительной заметкой В. Ф. Асмуса.

² Судя по тому, что еще 28 января 1933 г. Д. И. Шаховский писал И. М. Гревсу: «Я должен к 1. III дать „Философические письма“» (*Каганович Б. С.* Люди и судьбы. С. 164), подготовка публикации, действительно, сильно затянулась. Комментируя «Философические письма», Д. И. Шаховской столкнулся в том числе и с цензурными трудностями. 25 ноября 1936 г. он писал Н. П. Дружинину: «К сожалению, в моем предисловии после авторской корректуры, которую я считал окончательной, без моего ведома совершенно исказили несколько мест, вставив туда мысли, мне чуждые и совершенно ложные... Не буду об этом распространяться» (П. Я. Чаадаев: Pro et contra. С. 808 (публ. А. А. Златопольской)).

³ Третий том писем Пушкина вышел в свет в 1935 г. (см. прим. 1 к предыдущему письму Шаховского). Четвертый том — в 1969 г. (см. прим. 6 к п. 5).

⁴ Автограф письма Чаадаева к Пушкину, которое В. И. Саитов датировал мартом-апрелем 1829 г. (вероятно, по содержанию письма и по времени пребывания Пушкина в Москве в 1829 г.), ныне неизвестен. Датировка, впервые предложенная в академическом издании переписки (*Пушкин А. С.* Сочинения. Переписка / Ред. и прим. В. И. Саитова. СПб., 1908. Т. 2. С. 90), была принята и в последующих изданиях: *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма. М., 1913. Т. 1. С. 73; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 44; *Переписка А. С. Пушкина.* М., 1982. Т. 2. С. 269; *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. С. 305).